

Гюстав Лебон

Психология социализма

Гюстав Лебон

Психология социализма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8522264

Аннотация

«Книга Гюстава Лебона «Психология социализма» в настоящее время может принести большую пользу в борьбе с социализмом и революционизмом. Она выдержала во Франции в короткий промежуток времени пять изданий, переведена на несколько европейских языков и, нужно думать, успела оберечь многие умы от губительных социалистических и политических увлечений.

Гюстав Лебон – известный автор более чем двадцати ученых трудов по физикохимии, физиологии, антропологии, истории, социологии и философии. Энциклопедичность автора и творчество его – поистине поразительны. Книга «Психология социализма» является одним из позднейших его трудов, изданных вслед за трудами “Психология воспитания” и “Психология толпы”...»

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
КНИГА ПЕРВАЯ. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ И ИХ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ	21
ГЛАВА ПЕРВАЯ. СОЦИАЛИЗМ С РАЗНЫХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ	21
ГЛАВА ВТОРАЯ. РАЗВИТИЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ	30
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ	51
Конец ознакомительного фрагмента.	69

ГЮСТАВ ЛЕБОН ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛИЗМА

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (1908)

Книга Гюстава Лебона «Психология социализма» в настоящее время может принести большую пользу в борьбе с социализмом и революционизмом. Она выдержала во Франции в короткий промежуток времени пять изданий, переведена на несколько европейских языков и, нужно думать, успела оберечь многие умы от губительных социалистических и политических увлечений.

Гюстав Лебон – известный автор более чем двадцати ученых трудов по физикохимии, физиологии, антропологии, истории, социологии и философии. Энциклопедичность автора и творчество его – поистине поразительны. Книга «Психология социализма» является одним из позднейших его трудов, изданных вслед за трудами «Психология воспитания» и «Психология толпы».

Книга «Психология социализма», по отзыву известного социалиста Сореля, «представляет собой наиболее полную работу, изданную во Франции о социализме, заслуживающую большого внимания по оригинальности идей автора, наводящих на самые серьезные размышления». И действительно, содержание этой книги очень оригинально и поражает силой и убедительностью приводимых доказательств, при полной объективности исследования. Разбор социальных явлений относится почти исключительно к жизни западных народов, и потому книга эта особенно полезна для русского читателя, как постороннего беспристрастного зрителя, могущего найти в ней внушительное и поучительное предостережение. Книга эта напоминает исторические примеры того, как опасны увлечения социалистическими утопиями вообще, и с полной несомненностью выясняет губительное значение всяких революций.

Кроме того, эта книга представляет большой педагогический интерес. В ней автор рассматривает значение воспитания и сравнивает характеры его у народов латинской и англосаксонской рас; выясняет вред чрезмерной книжности и теоретичности обучения и силу истинного патриотизма, без которого не может быть прочным никакой народ.

Затронут в этой книге вопрос и о великом значении для народа армии, сильной прежде всего духом, хорошо обученной и дисциплинированной; вполне выяснена вся утопичность входящего ныне в моду антимилитаризма.

Разобраны также и другие явления государственной важности, относящиеся к области земледелия, промышленности, торговли, финансов и т. д.; выяснены условия, при которых данная страна может процветать, и причины, ведущие страну к упадку.

Встречаются, однако, в этой книге и слабые места в отношении глубины и полноты исследования, но таких мест очень мало, и касаются они большей частью не первостепенных вопросов. Из крупных же вопросов, разбор которых мало обоснован, можно отметить разве что один: равенство христианского социализма с социалистическими утопиями. Здесь субъективность суждений автора взяла перевес над объективностью, и для восстановления равновесия пришлось сделать подстрочное примечание.

Несмотря на эти недочеты, книга в общем сохраняет свои достоинства. Общий характер и спокойный тон исследования, при общедоступной форме изложения, настраивают ум «осторожным выводом, свободным от всякой предвзятости и страстности, углубляют мысль до самых корней изучаемых явлений.

Первое издание полного русского перевода этой книги в количестве 3.200 экземпляров разошлось в очень короткий срок.

С. Будаевский, 1908 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Социализм представляет собой совокупность стремлений, верований и реформаторских идей, глубоко волнующих умы.

Правительства опасаются его, законодатели щадят, народы видят в нем зарю новой судьбы.

В этом труде, посвященном изучению социализма, найдут применение принципы, изложенные в моих последних книгах «Законы эволюции народов» и «Психология толпы». Лишь кратко касаясь подробностей доктрин, чтобы удержать в памяти только их сущность, мы рассмотрим причины, породившие социализм, и причины, замедляющие его распространение или благоприятствующие ему.

Мы покажем конфликт между прежними идеями, укоренившимися наследственно, на которых еще покоятся общества, и идеями) новыми, возникшими в новых средах, созданных современной научной и промышленной эволюцией, Не оспаривая законности стремлений; большинства людей улучшить свою участь, мы исследуем, могут ли иметь учреждения действительное влияние на это улучшение, или же наши судьбы управляются роковой необходимостью совершенно независимо от учреждений, которые может создать наша воля.

Социализм не имел недостатка в защитниках, писавших его историю, в экономистах, оспаривавших его догмы, и в проповедниках его учения, лишь психологи пренебрегали до сих пор изучением его, видя в нем один из таких неточных и неопределенных предметов, как богословие или политика, которые могут лишь дать повод к страстным и бесплодным спорам, вызывающим отвращение у ученых умов.

По-видимому, однако, лишь внимательная психология может показать происхождение новых доктрин и объяснить влияние, какое они производят как в народных слоях, так и среди некоторых культурных умов. Нужно проникнуть до самых корней событий, протекающих перед нами, чтобы понять сам ход и расцвет наблюдаемых явлений.

Ни один апостол никогда не сомневался в будущности своего вероучения, поэтому и социалисты убеждены в близком торжестве своих доктрин. Такая победа необходимо вызывает разрушение настоящего общества и переустройство его на других началах. Нет ничего проще, по мнению последователей новых догм, как это разрушение и переустройство. Очевидно, что насилием можно расстроить общество, как можно в один час уничтожить огнем долго строившееся здание. Но наши настоящие знания об эволюции вещей позволяют ли допустить, что человек может восстановить по своему желанию разрушенную организацию? Стоит лишь немного вникнуть в сам процесс образования цивилизаций, как тотчас же обнаруживается, что во всяком обществе учре-

ждения, верования и искусства представляют собой целую сеть идей, чувств, привычек и приемов мышления, укоренившихся наследственным, путем и составляющих вместе силу общества. Общество только тогда сплочено, когда это моральное наследство упрочилось в душах, а и в кодексах. Общество, приходит в упадок, когда эта сеть расстраивается. Оно осуждено на исчезновение, когда эта сеть приходит в полное разрушение.

Такой взгляд никогда не оказывал влияния на писателей и государственных людей латинской раем. Убежденные в том, что естественные законы могут изгладиться перед их идеалом нивелировки, законности и справедливости, они полагают, что достаточно выдумать умные учреждения и законы, чтобы пересоздать мир. Они еще питают иллюзии той героической эпохи революции, когда философы и законодатели считали непреложным, что общество есть вещь искусственная, которую благодетельные диктаторы могут совершенно пересоздавать.

Такие теории, по-видимому, теперь очень мало состоятельны, тем не менее не нужно пренебрегать ими. Они побуждают к таким действиям, влияние которых весьма разрушительно и, следовательно, очень опасно. Созидательная сила покоится на времени и не подчинена непосредственно нашей воле. Разрушительная сила, напротив, в нашей власти. Разрушение общества может совершиться очень быстро, но восстановление; его происходит всегда очень медлен-

но. Иногда нужны человеку века усилий для восстановления того, что он разрушил в один день.

Если мы желаем понять глубокое влияние современного социализма, то не нужно изучать его догмы. Исследуя причину его успеха, приходишь к заключению, что последний совсем не зависит от теорий, которые проповедуют эти догмы, и от внушаемых ими отрицаний. Подобно религиям, приемы которых социализм все более и более стремится усвоить, он распространяется отнюдь не доводами разума, а совсем иначе. Являясь очень слабым, когда пытается спорить и опираться на экономические соображения, он становится, напротив, очень сильным, когда остается в области уверений, мечтании химерических обещаний. Он был бы даже еще страшнее, если бы не выходил из этой области.

Благодаря его обещаниям возрождения; благодаря надежде, зажигаемой им у всех обездоленных, социализм начинает представлять собой гораздо более религиозное верование, чем доктрину. А великая сила верований, когда они стремятся облечься в ту религиозную форму, строение которой мы изучали в другом труде, состоит в том, что распространение их не зависит от той доли истины или заблуждения, какую они могут в себе содержать. Лишь только верование запало в души» неясность его не обнаруживается более, ум уже не касается его. Одно лишь время может ослабить его.

Такие глубочайшие мыслители, как Лейбниц, Декарт, Ньютон, безропотно преклонялись перед религиозными дог-

мами, слабость которых скоро показал бы им разум, если бы они могли подчинить их контролю критики. Но то, что вошло в область чувства, уже не может быть уничтожено рассуждением. Религии, действуя только на чувства, не могут быть потрясены доводами разуме, и потому влияние их на души было всегда столь решительным.

Современный век представляет собой один из тех переходных периодов, когда старые верования потеряли свою силу и когда те, которые должны были заменить: их, не установились. Человеку еще не удавалось обходиться без верований в божество. Оно иногда низвергается со своего престола, но этот престол никогда не оставался незанятым. Вскоре из праха умерших богов появляются новые призраки.

Наука, поборовшая веру в богов, не может оспаривать их огромную власть. Еще ни одна цивилизация не могла основаться и развиваться без них. Самые цветущие цивилизации всегда опирались на религиозные догмы, которые с точки зрения разума не обладали ни малейшей частицей логики, правдоподобности или даже простого здравого смысла. Логика и разум никогда не были настоящими руководителями народов. Неразумные всегда составляло один из самых могучих двигателей человечества.

Не при посредстве разума был преобразован мир. Религии, основанные на вздорных представлениях, Наложили свой неизгладимый отпечаток на все элементы цивилизации и продолжают подчинять огромное большинство людей сво-

им законам; философские же системы, основанные на доводах разума, сыграли лишь незначительную роль в жизни народов и имели непродолжительное существование. Они на самом деле дают толпе только доводы, тогда как душа человеческая требует лишь надежд.

Эти-то надежды всегда и внушались религиями, которые создавали, вместе с тем, идеал, способный обольщать и возвышать души. Именно эта магическая сила надежд и создавала самые могущественные царства из ничтожества, творила чудеса литературы и искусств, составляющих общую сокровищницу цивилизации.

Так же предлагает надежды и социализм, и, это составляет его силу. Верования, которым он учит, очень фантастичны и, по-видимому, едва ли могли рассчитывать на распространение; тем не менее, они распространяются. Человек обладает чудесной способностью преобразовывать вещи по воле своих желаний, познавать вещи только сквозь ту магическую призму мысли и чувств, которая представляет мир таким, каким мы желаем его видеть.

Каждый сообразно своим мечтаниям, твоему честолюбию, своим желаниям, видит в социализме то, чего основатели новой веры никогда не думали в него вкладывать. Священник открывает нем всеобщее распространение милосердия и мечтает о нем, забывая алтарь. Бедняк, изнемогая от тяжелого труда, смутно усматривает в нем лучезарный рай, где он будет наделен земными благами. Легионы недоволь-

ных (а кто теперь к ним не принадлежит?) надеются, что торжество социализма, будет улучшением их судьбы. Совокупность всех этих мечтаний, всех этих недовольств, всех этих надежд придает новой вере неоспоримую силу.

Для того, чтобы современный социализм мог так скоро облечься в эту религиозную форму, Составляющую тайну его могущества, необходимо было, чтобы он явился в один из тех редких моментов истории, когда люди, изверившись в своих богах, утратили свои старые религии и живут только в ожидании новых верований.

Явившись как раз в то время, когда власть старых божеств значительно поблекла, социализм, также дающий человеку мечты о счастье, естественно, стремится занять их место.

Ничто не указывает, что ему удастся занять это место, но все показывает, что он не может долго сохранять его.

Г. Лебон

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Первое издание этой книги разошлось в течение нескольких недель, в пришлось выпустить второе без всяких изменений. Третье издание, напротив, подверглось существенной переработке. Не нахожу нужным отвечать критике, вызванной этим трудом как во Франции, так и в странах, где по-

явился его перевод, В допросах, относящихся гораздо более к области чувств, чем разума, нельзя рассчитывать на изменение чьего-либо образа мыслей. Перевороты в области мысли никогда не совершаются книгами.¹

Не принадлежа ни к какой школе и не помышляя заслужить одобрение одной из них, я пытался изучить общественные явления подобно тому, как изучаются физические, стараясь возможно менее впадать в ошибки.

Некоторые места этой книги по своей неизбежной краткости кажутся несколько догматичными, чего не следует, однако, заключать относительно самих изложенных мыслей. Одна из последних глав посвящена доказательству того, что в некоторых вопросах возможны только вероятные, но отнюдь не достоверные заключения.

Иногда, в этой книге я как будто уклоняюсь от предмета моего исследования, но это необходимо потому, что происхождение некоторых явлений, сам процесс их развития не могут быть поняты без предварительного изучения обстоятельств, среди которых явление возникло и развивалось. В вопросах религии, нравственности и политики изучение са-

¹ Ничуть не рассчитывая разубедить кого-либо из социалистов, я, однако, думаю, что эта книга не будет для них бесполезна. Думаю так на основании статей об этой книге, особенно статьи наиболее сведущего социалиста Ж. Сореля, который, между прочим, говорит: «книга Гюстава Лебона представляет собой наиболее полную работу, изданную во Франции о социализме; работа эта заслуживает большого внимания по оригинальности идей автора, наводящих на самые серьезные размышления».

мого текста той или другой доктрины вовсе не имеет преобладающего значения, как могло бы казаться. Важнее всего знать среду, в которой доктрина развивается, знать чувства, на которых она зиждется, и характер умов, воспринимающих ее. В эпоху торжества буддизма и христианства догмы этих верований представляли малый интерес для философа, но ему было бы весьма интересно познакомиться с причинами укоренения их, т. е. с состоянием усвоивших эти догмы умов. Всякая догма, как бы ни была она несостоятельна с точки зрения разума, всегда восторжествует, если ей удалось изменить известным образом направление умов. В этом изменении сущность самой догмы нередко играет второстепенную роль. Торжество догмы происходит под влиянием подходящей среды, удобного момента, возбуждаемых ею страстей и главным образом от влияния проповедников, умеющих говорить толпе, зажигать в ней веру. Последняя вызывается действием отнюдь не на разум, а только на чувства. Вот почему проповедники вызывают большие народные религиозные движения, создающие новых богов.

Поэтому-то я убежден, что не выхожу из рамок моей задачи, принимая в основание при изложении некоторых глав этой книги наши верования, значение традиций в жизни народов, зачатки творческих основ в душе латинского народа, экономическое развитие в настоящее время и еще другие вопросы. Все это и представляет существенную часть данного исследования.

Немного страниц этого труда посвящено собственно изложению социалистических доктрин. Они столь неустойчивы, что бесполезно вести о них какие-либо споры. Эта изменчивость, впрочем, по общему закону, составляет необходимый признак всех новых верований. Религиозные догмы приобретают полную определенность только после своего торжества. До этого момента они блуждают в неопределенных формах. Эта-то неопределенность и есть залог успешного распространения их, так как придает им способность приспособливаться к самым разнообразным нуждам и тем удовлетворять бесконечно разнообразные вожеления легионов недовольных, число которых в некоторые моменты истории бывает очень велико.

Социализм, как попытаемся это показать, может быть отнесен к классу религиозных вероучений, имеет присущий им характер неопределенности своих догм, не достигших еще своего торжества. Доктрины социализма меняются чуть не с каждым днем и делаются все более и более неопределенными, расплывчатыми. Чтобы согласовать принятые основателями этих доктрин принципы с явно противоречащими им фактами, пришлось бы предпринять труд, подобный трудам богословов, старающихся примирить разум с Библией.

Принципы, на которых Маркс, бывший долго первосвященником новой религии, основывал социализм, в конце концов были опровергнуты фактами в такой мере, что вернейшие его ученики вынуждены отказаться от этих прин-

ципов. Так, например, лет сорок тому назад по сущности теории социализма выходило, что капиталы и земли должны скапливаться в руках все меньшего и меньшего числа владельцев, тогда как статистика разных стран показала совершенно противоположное: в действительности капиталы и земли не только не скапливаются, но с большой быстротой раздробляются среди огромного числа людей. Поэтому мы и видим, что в Германии, Англии и Бельгии вожди социализма все более отрешаются от коллективизма, называя его химерой, способной увлекать только умы народов латинской расы.

Впрочем, в отношении распространения социализма всякие теоретические рассуждения не имеют никакого значения. Толпа им не внимает. Она запоминает только ту основную мысль, что рабочий – жертва нескольких эксплуататоров вследствие дурной социальной организации, и что было бы достаточно нескольких новых законов, введенных революционным путем, чтобы изменить эту организацию. Теоретики могут себе развивать те или другие доктрины своей теории, толпа принимает их готовыми во всей их совокупности, не вникая никогда в развитие их. Усвоенные верования облакаются всегда в очень простую форму. Раз удалось их вкоренить в неразвитых умах, они непоколебимо сохраняются в них надолго.

Помимо мечтаний социалистов, и, весьма часто, совершенно наперекор им, современный общественный строй

претерпевает быстрое и глубокое изменение от перемен в условиях существования, в требованиях времени и в понятиях, происходящих под влиянием научных и промышленных изобретений последнего полувека. Современные сообщества приспособляются к этим превращениям, а не к фантазиям теоретиков, которые, не видя роковой неизбежности существующих условий, полагают, что могут по своему произволу перестраивать общество. Задачи, возникающие вследствие современных превращений в мире, гораздо важнее, чем вопросы, озадачивающие социалистов. Изучению этих задач посвящена значительная часть настоящего труда.

Г. Лебон

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Господин издатель² сделал мне честь, обратиться ко мне с просьбой – снабдить моим небольшим предисловием издаваемый им русский перевод моей книги «Психология социализма».

Цель, которую я себе поставил, когда писал эту книгу, ясно намечена в предисловии, предпосылаемом этому труду. Судя по многочисленным изданиям этой книги и по перево-

² Сергей Будаевский

дам ее на многие языки, смею надеяться, цель эта достигнута. Я пытался изучать вопросы, относящиеся к социализму, как если бы я изучал какие-либо физические явления. Могу предполагать, что задача эта исполнена с беспристрастием, судя по многочисленным статьям, появившимся в периодических изданиях, принадлежащих к самым различным партиям.

В этом труде преобладает следующее главное основное положение: народы не могут выбирать свои учреждения, они подчиняются тем, к которым их обязывает их прошлое, их верования, экономические законы, среда, в которой они живут. Что народ в данную минуту может разрушить путем насильственной революций учреждения, переставшие ему нравиться, — это не раз наблюдалось в истории. Чего история никогда еще не показывала — это того, чтобы новые учреждения, искусственно навязанные силой, держались сколько-нибудь продолжительно. Спустя короткое время все прошлое снова входит в силу, ведь из этого-то прошлого и сотканы мы, и потому оно является нашим верховным властителем.

Без сомнения, учреждения преобразуются в течение веков, но всегда путем медленной эволюции и никогда — путем внезапных революций. Революции изменяют только название вещей. Разрушительное их действие никогда не касается основных идей и чувств данного народа, какие бы кровавые перевороты они не порождали.

Таким образом, когда хотят понять учреждения данного

народа, нужно изучить сперва умственный склад этого народа. Тогда и только тогда поймешь, что учреждения, наилучшие для одного народа, могут оказаться губительными для другого. Либеральные учреждения, превосходные для нации, состоящей из однородных элементов, обладающих одинаковыми чувствами и интересами, являются отвратительными для народа, состоящего из элементов разнородных, и следовательно, обладающих различными чувствами и имеющими противоположные интересы. Одна лишь мощная рука властелина может тогда поддерживать равновесие и мир между разнородными интересами – слишком большая свобода привела бы их к неизбежной борьбе.

Каждая страница истории подтверждает эти основные положения. Однако, они всегда отвергались революционерами всех времен. Можно желать переделать общество сообразно своим мечтам, но такие мечты никогда не осуществлялись. Тщетно мятется человек. Им управляют такие высшие силы, как закон неизбежности, среда, влияние прошлого, которые древними объединялись под именем судьбы. Судьбу эту можно проклинать, избежать ее невозможно.

Г. Лебон

КНИГА ПЕРВАЯ. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ И ИХ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. СОЦИАЛИЗМ С РАЗНЫХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ

§ 1. *Факторы социального развития.* Факторы, направляющие современную эволюцию обществ. В чем они отличаются от прежних? Факторы: экономические, психологические и политические.

§ 2. *Разные стороны социализма.* Необходимость изучения социализма в отношениях – политическом, экономическом, философском и как верования. Противоречие между этими разными сторонами социализма. Философские определения социализма. Существо коллективное и индивидуальное.

§ 1. ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ.

Основой цивилизаций всегда служило небольшое число направляющих идей. Когда идеи эти, успев значительно поблекнуть, теряют всю свою силу, то цивилизации, опиравши-

еся на них, должны измениться.

В настоящее время мы переживаем одну из фаз такого столь редкого в истории народов превращения. Немногим философам пришлось жить в такие важные моменты появления новой идеи и иметь возможность, как теперь, изучить последовательный ход ее формирования.

При современных условиях развитие обществ происходит под влиянием троякого рода факторов: политических, экономических и психологических. Эти факторы действовали во все времена, но их относительное между собой значение изменялось в зависимости от возраста народов.

Политические факторы – это законы и учреждения. Теоретики всех партий и особенно современные социалисты придают этим факторам большое значение. Все они убеждены, что счастье народа зависит от его учреждений, и что стоит только их изменить, как сразу изменится и судьба народа. Некоторые мыслители полагают, что, напротив, учреждения оказывают весьма слабое влияние, что судьбы народов зависят от их характера, т. е. от духовной природы той расы, к какой народ принадлежит. Этим объясняется, что нации, имея почти одинаковые учреждения и живя при одинаковых условиях, находятся на разных ступенях цивилизации.

Экономические факторы в настоящее время имеют громадное значение. В прежние времена, когда народы жили разъединенно, когда промышленность и техника не развивались целыми веками, факторы эти имели очень слабое влия-

ание, но теперь, при быстром ходе усовершенствований, они приобрели перевес. Научные и технические открытия совершенно изменили все условия нашего существования. Вновь открытая простая химическая реакция разоряет одну страну и обогащает другую. Возникшая в глубине Азии культура какого-либо злака заставляет отказаться от хлебопашества целые провинции Европы. Усовершенствование разного рода машин изменяет условия жизни значительной части цивилизованных народов.

Психологические факторы – раса, верования, воззрения имеют также большое значение. Влияние их в старину имело даже перевес, но в настоящее время он на стороне экономических условий.

Вот эти-то изменения относительного влияния возбудителей (факторов) социального развития и составляют главное различие между условиями жизни современного и прежнего общества. Подчинявшиеся прежде преимущественно своим верованиям общества в настоящее время все более и более повинуются экономическим требованиям.

Однако и психологические факторы далеко не потеряли своего значения. Насколько человек способен освобождаться от гнета экономических условий, зависит от склада его ума, т. е. от свойств его расы. Вот почему некоторые народы подчиняют своим требованиям экономические условия, тогда как другие все более и более поработаются ими и пытаются сопротивляться им только покровительственными за-

конами, бессильными, впрочем, защищать их от экономического гнета.

Таковы главные двигатели социального развития. Незнание или непризнание их недостаточны для того, чтобы помешать их действию. Законы природы действуют со слепой правильностью механизма, и тот, кто сталкивается с ними, всегда терпит поражение.

§ 2. РАЗНЫЕ СТОРОНЫ СОЦИАЛИЗМА.

Итак, социализм имеет разные стороны, которые надо рассмотреть последовательно. Надо его рассмотреть в отношениях политическом, экономическом, философском и, наконец, как верование. Надо также рассмотреть столкновение этих понятий с действительностью существующего общественного строя, т. е. столкновение отвлеченных идей с неумолимыми законами природы, которые человек не может изменить.

Экономическая сторона социализма легче всего поддается исследованию. Тут задачи вполне определены. Как создается и распределяется богатство? Каково взаимоотношение между трудом, капиталом и умственными способностями? Каково влияние экономических явлений и в какой мере определяют они социальное развитие?

Если будем изучать социализм как верование, т. е. исследовать производимое им нравственное впечатление, внушаемые им убеждения и фанатическую преданность идеям, то

точка зрения и сама задача становятся совершенно иными. Не имея более надобности заниматься теоретическим значением социализма как доктрины, ни теми непреодолимыми экономическими препятствиями, на которые он может натолкнуться, мы должны рассмотреть новое верование только со стороны его происхождения, его нравственных успехов и психологических последствий, которые оно может породить. Это исследование необходимо для объяснения бесполезности всяких споров с защитниками новых догм. Когда экономисты удивляются тому, что неоспоримо ясные доказательства совершенно не действуют на убежденных сторонников новых догм, пусть они обратятся к истории всяких верований и ознакомятся с учением о психологии толпы; тогда они перестанут удивляться. Доктрину не разбить указанием ее химерических сторон. Не доводами разума опровергаются мечты.

Чтобы понять силу современного социализма, надо рассматривать его преимущественно как верование; тогда обнаружится, что основанием его служат сильные психологические причины. Непосредственный успех его почти не зависит от противоречия между его догмами и разумом. История всех верований, и особенно религиозных, достаточно показывает, что их успех в большинстве случаев не зависел от того, как велика была в них доля истины или заблуждения.

При изучении социализма как верования надо рассмотреть его как философское мировоззрение. Этой стороной

последователи социализма более всего пренебрегали, а между тем, эту сторону они могли легче всего защищать. Они полагают, что осуществление их доктрин – необходимое следствие экономического развития, тогда как именно это развитие наименее соответствует их осуществлению. С точки зрения чистой философии, т. е. оставляя в стороне экономические и психологические условия, многие из социалистических теорий, напротив, вполне могли бы противостоять критике.

Что же такое, в самом деле, представляет собой, с философской точки зрения, социализм или, по крайней мере, наиболее распространенная его форма – коллективизм? Просто – реакцию существа коллективного против захватов со стороны отдельных единичных существ. Если же не принимать во внимание значения умственных способностей человека и той громадной пользы, какую эти способности могут оказать цивилизации, то несомненно, что община или союз людей, преследующий общие всем его членам цели, может рассматриваться (хотя бы в силу закона числа, этого великого символа веры современной демократии) как организация, созданная для порабощения каждого своего члена, который вне союза не мог бы существовать.

С философской точки зрения социализм есть реакция общественности против индивидуальности, как бы возврат к прошлому. Индивидуализм и коллективизм по своей сущности – две противодействующие силы, стремящиеся если не

уничтожить, то, по крайней мере, парализовать друг друга. Эта борьба между противоположными интересами личности и организованной общины людей и представляет истинную задачу социализма с философской точки зрения. Отдельная личность, достаточно сильная, чтобы полагаться только на свою предприимчивость, на свое разумение, и потому способная самостоятельно содействовать прогрессу, стоит перед толпой, слабой в отношении этих качеств, но сильной своей численностью – этой единственной поддержкой права. Интересы этих двух борющихся принципов – взаимно противоположны. Вопрос в том, могут ли они даже ценой взаимных уступок удержаться, не разрушаясь в этой борьбе. До настоящего времени только религиозным верованиям удалось вселять в людях сознание необходимости жертвовать своими личными интересами на пользу общую, заменять, личный эгоизм общественным. Но древние религии уже вымирают, а на замену им новые еще не народились. При изучении развития общественной солидарности нам придется рассмотреть, в каких границах экономические потребности допускают возможное примирение двух указанных взаимно противоположных принципов. Как справедливо заметил в одной из своих речей Леон Буржуа,³ «само собой разумеется, что ничего нельзя поделать против законов природы, но

³ Леон Буржуа – французским правовед, в период с 1888 по 1889 г.г. замещал государстиспного секретаря в Министерстве иностранных дел. Основные его труды: «Солидарность», «Обучение демократии», «Философия солидарности», «Демократия прав».

необходимо непрестанно их изучать и пользоваться ими для уменьшения неравенства и несправедливости среди людей».

Чтобы закончить обзор разных сторон социализма, мы должны еще рассмотреть его изменения сообразно с характерами рас. Если начала, указанные в одном из предшествующих наших сочинений⁴ о глубоких преобразованиях, которым подвергаются все элементы цивилизации (учреждения, религии, искусства, верования и т. д.) с переходом от одного народа к другому, верны, то можно уже предвидеть, что иногда под сходными между собой словами, выражающими у разных народов представления о государственном строе, скрывается весьма неодинаковая действительность. Мы увидим, что это так и на самом деле. У рас сильных, энергичных, достигших высшей степени своего развития, замечается – как при режиме республиканском, так и при монархическом – значительное расширение предприятий личной инициативы и постепенное уменьшение области, которой ведает государство. Совершенно противоположную роль предоставляют государству те народы, у которых отдельные личности дошли до такого умственного оскудения, что не могут рассчитывать только на свои силы. У таких народов, как бы ни назывались государственные учреждения, правительство всегда представляет всепоглощающую власть: оно все регламентирует и распоряжается мельчайшими подробностями жизни граждан. Социализм есть не что иное, как расширение

⁴ Труды «Психологические законы эволюции народов» (СПб. 1916).

такого воззрения. Он был бы диктатурой безличной, но совершенно неограниченной.

Легко видеть сложность предстоящих нам задачи насколько они упрощаются, если элементы их изучаются отдельно.

ГЛАВА ВТОРАЯ. РАЗВИТИЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

§ 1. *Древность социализма.* Социальная борьба, вызванная неравенством состояний, восходит к первым векам истории. Доктрины коллективизма у греков. Каким образом социализм лишил греков независимости. Социализм у римлян и евреев. Христианство первых веков представляет собой время торжества социализма. Каким образом оно должно было вскоре отказаться от своих доктрин. Иллюзии социалистов в середине XIX века.

§ 2. *Причины развития социализма в настоящее время.* Чрезмерная чувствительность в настоящее время. Потрясения и неустойчивость современного общества, вызванные успехами промышленности. Потребности растут быстрее, чем средства для их удовлетворения. Притязания современной молодежи. Помыслы университетской молодежи. Роль финансистов. Пессимизм мыслителей. Состояние современного общества сравнительно с прежним.

§ 3. *Применение процентных соотношений при оценке общественных явлений.* Необходимо точно установить соотношение между элементами полезными и вредными, входящими в состав общества. Несостоятельность приема средних величин. В социальных явлениях процентные соотношения имеют большее значение, чем средние выводы.

§ 1. ДРЕВНОСТЬ СОЦИАЛИЗМА.

Социализм появился не сегодня. По излюбленному выражению историков древности, можно сказать, что начало появления социализма теряется в глубине веков. Он имел целью уничтожить неравенство общественных положений, которое как в древнем, так и современном мире представляет собой один и тот же закон. Если всемогущее божество не пересоздаст природу человека, то это неравенство, вне всякого сомнения, будет существовать, пока существует наша планета. Борьба богатого с бедным, надо полагать, будет продолжаться вечно.

Не восходя к первобытному коммунизму – этой низшей форме развития, с которой начинали все общества, мы можем сказать, что в древности уже были испытаны разные формы социализма, которые предлагаются и ныне. Особенно греки пытались их осуществлять. и от этих-то опасных попыток погибла Греция. Доктрины коллективизма изложены уже в «Республике» Платона. Аристотель их оспаривал, и, как сказал Гиро, резюмируя их сочинения: «все современные доктрины, от христианского социализма до самого крайнего коллективизма, находят там свое выражение».⁵ Не раз эти доктрины применялись и на деле. Политические перевороты в Греции были вместе с тем и социальными, т. е. имевшими целью изменить социальный строй и именно уравнивать

⁵ В книге «Propriete fonciere des Grecs» («Земельная собственность у греков»).

общественные положения разорением богатых и подавлением аристократии. Им это удавалось несколько раз, но всегда ненадолго. В конце концов Греция пала и утратила свою независимость. Социалисты того времени так же, как и теперь, расходились в своих положениях; единодушие их проявлялось только относительно разрушения существующего порядка. Рим положил конец этим вечным несогласиям, низведя Грецию до рабства и заставив продавать ее граждан в неволю.

Сами римляне не избежали покушений социалистов и принуждены были испытать аграрный социализм Грак-хов. Он ограничивал каждого гражданина определенной площадью земли, распределял остатки земли между бедными и обязывал государство кормить нуждающихся. Все это привело к борьбе, создавшей Мария, Суллу, междоусобные войны и, наконец, падение республики и владычество империи.

Евреи также знакомы с притязаниями социалистов. Проклятия со стороны еврейских пророков – этих настоящих анархистов той эпохи – направлены преимущественно против богатства. Сам Иисус Христос вступался особенно за права бедных и осуждал богатых. Только бедному предназначено царствие небесное, а богатому труднее в него войти, чем верблюду пройти сквозь игольное ушко.

В течение двух-трех первых веков нашей эры христианская религия представляла собой социализм обездоленных, бедных и недовольных и, подобно современному социализ-

му, постоянно боролась с установившимися учреждениями. Борьба эта окончилась торжеством христианского социализма, я это, можно сказать, – первый случай такого прочного успеха социалистических идей.

Но, несмотря на ту, в высшей степени выгодную для достижения успеха, особенность христианской веры, что обещаемое ею блаженство в загробной жизни не может быть проверено смертными, христианский социализм мог удержаться, только отрекшись, вслед за своей победой, от своих принципов. Он был вынужден искать поддержку у богатых и сильных, защищать богатство и собственность, т. е. то, что прежде отвергал. Как все революционеры, добившиеся торжества своих идей, христиане сделались консерваторами, и общественные идеалы католического Рима мало чем отличались от идеалов Рима императорского. Бедные должны были по-прежнему покоряться своей судьбе, работать и повиноваться в надежде на небесные блага, если будут благоразумны, и бояться дьявола и ада, если будут неудобны для своих повелителей.

Какая чудесная история – эта двадцативековая мечта! Когда наши потомки освободятся от наследственных пут мысли, они получат возможность изучить эту мечту с чисто психологической точки зрения и будут непрестанно восхищаться громадной силой этого создания фантазии, на которое еще и теперь опирается наша цивилизация. Как бледны самые блестящие философские обобщения перед зарождени-

ем и развитием этого верования, столь простодушного с точки зрения разума и все же столь могущественного! Упорное господство этого верования ясно показывает, до какой степени мечта, а не действительность руководит человечеством. Основатели религий создавали только надежды, и, тем не менее, создания эта сохранялись всего дольше. Какие обещания социалистов могут сравняться с раем Иисуса или Магомета? Как сравнительно ничтожны обещаемые социалистами земные блага!⁶

Наши предки применяли теории социалистов во время нашей революции,⁷ и если ученые продолжают спорить, была ли эта революция социалистической, то это происходит или от того, что под словом «социализм» нередко подразумевают разные понятия, или от неумения вникнуть достаточно глубоко в сущность вещей.⁸ Цель социалистов во все времена совершенно ясна: отнять имущество у богатых в пользу бедных. Эта цель никогда не достигалась столь удачно, как

⁶ В издании С. Будаевского имеются следующее примечание переводчика: «В изложенной характеристике

⁷ Т. е. во время Великой французской революции 1789–1793 г.г.

⁸ Это и случилось с А. Лихтенбергером и его книге «Социализм и французская революция». Крайняя недостаточность его метода исторической критики приводят его иногда к заключениям, вызывающим улыбку. Сущность критики состоит не и компилировании текстов, а в раскрытии идеи, скрытых и этих текстах. Так как эволюция слов совершается гораздо медленнее, чем эволюция мысли, то одни и те же слова на протяжении одного века соответствуют весьма различным понятиям. Андре Лихтенбергер – французский ученый, писатель, адъютант-директор Музея социальных наук. Главный редактор журнала «Мнение».

вожаками французской революции. Правда, они объявили, что собственность священна и неприкосновенна, но сделали это только после того, как предварительно ограбили дворян и духовенство и таким образом заменили одно социальное неравенство другим. Никто, я полагаю, не сомневается, что если бы современным социалистам удалось революционным путем разорить буржуазию, то образовавшийся при этом новый класс не замедлил бы преобразиться в ярых консерваторов, которые заявили бы, что впредь собственность будет священна и неприкосновенна. Такие заявления, впрочем, совершенно излишни, когда они исходят от власть имущих, и еще более бесполезны, когда исходят от слабых. В классовой борьбе права и принципы не имеют никакого значения.

И если история так повторяется всегда, то это происходит от того, что она зависит от природы человека, не изменившейся еще в течение веков. Человечество успело значительно состариться, но, несмотря на это, продолжает увлекаться одними и теми же мечтами и повторять одни и те же опыты, не черпая из них никакого поучения. Перечитайте полные энтузиазма и надежд речи наших социалистов сороковых годов, ретивых сподвижников революции 1848 г. По их мнению, наступила новая эра, и благодаря им мир должен измениться. Благодаря им страна скоро потонула в деспотизме и несколько лет спустя чуть не погибла от разорительной войны и вторжения врага. Едва полвека прошло после этой фазы социализма, и мы, забыв тяжелый урок, расположены вновь

повторить тот же цикл.

§ 2. ПРИЧИНЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИЗМА В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

Итак, мы только повторяем теперь жалобы, которые в течение веков раздавались со стороны наших отцов, и если наши жалобы стали громче раздаваться, то это только потому, что прогресс цивилизации сделал нас более чувствительными. Условия нашего существования значительно улучшились сравнительно с прежними, а между тем, они все менее и менее нас удовлетворяют. Лишенный своих верований, не имея ничего впереди, кроме сурового долга и невеселой взаимной поруки, тревожась от волнений и общей неустойчивости, причиняемых изменениями в промышленности, наблюдая поочередное разрушение общественных организаций, грозящее исчезновением семьи и собственности, современный человек жадно привязывается к настоящему; в нем только он может понять и признать действительность. Интересуясь только собой, он хочет во что бы то ни стало пользоваться этим настоящим, чувствуя, что оно скоропреходяще. Взамен исчезнувших иллюзий человеку стало необходимо благосостояние и, следовательно, богатство. Они ему тем более необходимы, что наука и промышленность создали множество предметов роскоши, которые прежде не были известны, а теперь сделались необходимостью. Жажда к богатству все более и более распространяется одновременно с

возрастанием числа жаждущих.

Потребности современного человека очень увеличились и возрастают значительно быстрее, чем средства для их удовлетворения. Статистика показывает, что никогда не было так развито благосостояние, как теперь, но она показывает также, что никогда потребности не были так настоятельны, как в настоящее время. При изменении же частей уравнения, равенство между ними сохраняется лишь тогда, когда они возрастают или убывают на равные величины. Соотношение между потребностями и средствами их удовлетворения представляет собой уравнение благополучия. Как бы ни были малы части этого уравнения, но если равенство между частями сохранено, человек доволен своим положением. Он остается доволен и тогда, когда в случае уменьшения средств он может уменьшить и свои потребности, т. е. восстановить равенство между частями уравнения. Такое решение задачи давно осуществлено восточными народами, и потому мы видим их всегда довольными своею судьбой. Но в современной Европе потребности переросли средства для удовлетворения их в огромной степени, части уравнения стали очень различаться, и большинство цивилизованных людей проклинает свою судьбу. Сверху донизу в обществе одно и то же недовольство, так как и вверху и внизу потребности пропорционально чрезмерно велики. Каждый, следуя общему неудержимому течению, стремится к богатству и мечтает разбить встречаемые препятствия, На почве самого мрачного рав-

нодушие к общим интересам и доктринам личный эгоизм превзошел всякий предел. Богатство сделалось целью, преследуемой всеми, и из-за нее забывается все остальное. Такие стремления, разумеется, в истории не новы, но прежде они проявлялись не в такой общей и исключительной форме, как теперь. Токвиль сказал: «Людям XVIII века была чужда такого рода страсть к благосостоянию – этой матери рабства. Высшие классы занимались гораздо больше украшением жизни, чем удобством, и стремились более к славе, чем к богатству».

Эта всеобщая погоня за богатством повела к общему понижению нравственности и ко всем его последствиям. Наиболее ярко выразилось это понижение в уменьшении престижа буржуазии в глазах низших общественных слоев. Буржуазия постарела за один век настолько, насколько аристократия – за тысячелетие. Буржуазия вырождается ранее, чем в третьем поколении, и освежается лишь постоянным приливом элементов низшей среды. Буржуазное общество может завещать своим детям богатство, но как оно передаст потомству случайные качества, которые только веками могут быть упрочены в потомстве? Крупные состояния сменили собой наследственный гений, наследственные дарования, но эти состояния слишком часто переходят к жалким потомкам.

И вот, быть может, наглое тщеславие крупных богачей и манера их тратить свои средства более всего способствова-

ли развитию социалистических идей. Справедливо заметил Фаге:⁹ «Страдают в действительности только при виде чужого счастья; несчастье бедных в этом и состоит». Социалисты отлично понимают, что они не могут сделать всех одинаково богатыми, но надеются, по крайней мере, сделать всех одинаково бедными.

Зажиточная молодежь тоже не представляет собой ничего назидательного для народных масс. Она все более и более потрясает нравственные традиции, которые одни только и могут дать устойчивость обществу. Идеи долга, патриотизма и чести молодежь слишком часто считает ненужными предубеждениями, смешными стеснениями. Воспитанная в обожании только удач в жизни, она проявляет самые хищные аппетиты и вожделения. Когда спекуляция, интрига, богатый брак или наследство предоставляют молодежи большие состояния, она их расточает на самые низменные наслаждения.

И университетская молодежь не представляет собой более утешительного зрелища. Она – печальный продукт классического образования. Пропитанная латинским рационализмом, получившая только теоретическое книжное образование, она не способна понимать что-либо в действительной жизни и не может разобраться в условиях, поддерживающих существование обществ. Идея об отечестве, без которой никакой народ не может быть долговечным, по их мнению,

⁹ Август-Эмиль Фаге – профессор литературы, член французской Академии наук. Редактор журналов «Journal les Debats», «la Revue» и других.

как сказал один очень известный академик, присуща только «глупым шовинистам, совершенно лишенным способности к философскому мышлению».

Эти злоупотребления богатством и возрастающий упадок нравственности в буржуазном обществе дали веское оправдание едким нападкам современных социалистов на неравномерность распределения богатств. Им было слишком легко показать, что часто большие состояния образовались посредством громадного хищничества за счет скудных средств тысяч бедняков. Как назвать иначе все эти финансовые операции крупных банковых учреждений по устройству заграничных займов? Эти учреждения нередко отлично знают ненадежность заемщика и совершенно уверены, что их слишком доверчивые клиенты будут разорены, но, тем не менее, без всякого колебания устраивают заем, чтобы не потерять комиссионный гонорар, доходивший иногда до очень крупного размера, как, например, при займе Гондураса¹⁰ этот гонорар превышал 50 % полной суммы займа. Бедняк, решающийся под влиянием голода на воровство, разве не менее виновен, чем эти грабители-хищники.¹¹ Что сказать

¹⁰ Известны два таких заема. Особенно скандальным был заем 1867–1870 г.г., заключенный для постройки железной дороги. Тогда была проведена только маленькая ветка, деньги разошлись по карманам чиновников, а долг с возросшими процентами более полувека обременял бюджет Гондураса. Второй заем был получен в 1884 г. в обмен на железнодорожные концессии и земли для банановых плантаций.

¹¹ Благодаря своим капиталам директора американских трестов могут делать

о спекуляции молодого американца-миллиардера, который в момент испано-американской войны скупил почти на всех рынках мира зерновой хлеб и стал продавать его по завышенным ценам только тогда, когда начался им же вызванный голод? Эта спекуляция произвела кризис в Европе, голод и возмущения в Италии и Испании и была причиной голодной смерти большого числа бедняков. Не правы ли после этого социалисты, сравнивающие этих спекулянтов с простыми разбойниками, достойными виселицы?

Вот здесь-то мы и наталкиваемся на одну из труднейших задач нашего времени, для разрешения которой социалисты предлагают лишь ребяческие средства. Задача такая: избавить общество от страшного и все возрастающего могущества крупных финансистов. Подкупая прессу, закупаая политических деятелей, эти дельцы все более и более завоевывают положение единственных хозяев в странах составляют как бы правительство, особенно опасное тем, что оно одновременно и всемогущей тайно. «Это зарождающееся правительство, — по словам Фаге, — не имеет никаких идеалов, ни нравственных, ни умственных. Оно не злое и недоброе. Оно

и не такие банковские операции. Есть сведения об одной из них, проведенной Рокфеллером, директором «Standart oil Trust», который произвел панику на американской бирже и тем заставил значительно понизиться в курсе большинство процентных бумаг. Скупив их затем и дождавшись понижения курса, он приобрел 2 миллиарда франков, если верить вычислению Дорбиньи, приведенному в «Revue des Revues». Синдикат нефтепромышленности принес ему за этот год доход около 100 миллионов франков.

считает людей стадом, которое нужно держать за работой, кормить, не допускать до драки и стричь... Оно относится безразлично ко всякому умственному, художественному и нравственному прогрессу. Оно международно, не имеет родины и стремится, впрочем, не беспокоясь о том, истребить в мире идею об отечестве».

Трудно предвидеть, каким образом современные общества могут избежать этой страшной грозящей им тирании. Американцы, которым, по-видимому, предстоит первым сделаться жертвой этой тирании, уже предупреждаются наиболее выдающимися своими представителями о предстоящих кровавых переворотах. Но если легко восстать против деспота, то какое же может быть восстание против власти скрытой и безымянной? Как добраться до богатств, искусно разбросанных по всему свету? Вне всякого сомнения, трудно будет долго терпеть без возмущения, чтобы один человек мог для собственного обогащения вызвать голодовку или разорение тысяч людей с большей легкостью, чем, например, Людовик XIV объявлял войну.

Нравственное падение высших слоев общества, неравномерное и часто очень несправедливое распределение денег, опасные злоупотребления богатством, усиливающееся раздражение народных масс, все большая и большая потребность в наслаждениях, утрата прежнего авторитета власти и исчезновение старых верований – во всех этих обстоятельствах много причин к недовольству, объясняющих быстрое

распространение социализма.

Наилучшие умы страдают недугом не менее глубоким, хотя недуг этот и другого рода. Он не всегда превращает их в сторонников новых доктрин, но он мешает им деятельнее защищать современный социальный строй. Постепенный распад всех верований и опиравшихся на них учреждений; полное бессилие науки пролить свет на окружающие нас тайны, сгущающиеся по мере того, как мы хотим в них проникнуть; ясные доказательства того, что все наши философские системы – беспомощный и пустой вздор; повсеместное торжество грубой силы и вызываемое им уныние имели результатом то, что избранные умы впали в мрачный пессимизм.

Пессимистическое настроение современных людей – неоспоримо; можно составить целый том из фраз, выражающих это настроение у наших писателей. Нижеприведенных выдержек будет достаточно, чтобы показать общую неурядицу в умах:

«Что касается картины страданий человечества, – говорит выдающийся современный философ Ренувье, – то, не говоря о бедствиях, зависящих от общих законов животного царства, изображение, сделанное Шопенгауэром, окажется скорее слабым, чем преувеличенным, если подумаем, какие социальные явления характеризуют нашу эпоху: борьба между национальностями и общественными классами, всеобщее распространение милитаризма, возрастающая нищета наряду с накоплением богатств, изощрение в наслажде-

ниях жизнью, увеличение числа преступлений, как наследственных, так и профессиональных, самоубийства, ухудшение семейных нравов, утрата веры в непостижимое, заменяемое все более и более бесплодным материалистическим культом мертвых. Вся эта совокупность признаков видимого возвращения цивилизации к варварству и неизбежное содействие этому возвращению соприкосновения европейцев и американцев с неподвижным или даже опустившимся населением старого света – не сказывались еще в то время, когда Шопенгауэр стал призывать к пессимистическому мирозерцанию».

«Более сильные без зазрения совести попирают права более слабых, – пишет другой философ, Буаллей, – американцы истребляют краснокожих, англичане притесняют индусов. Под предлогом распространения цивилизации европейцы разделяют между собой Африку, а в действительности цель другая – создать новые рынки. Ожесточенное соперничество между государствами приняло необычайные размеры. Тройственный союз грозит нам из боязни и алчности. Россия ищет нашей дружбы из-за своих интересов».

Ненависть и зависть в низших слоях, безучастие, крайний эгоизм и исключительный культ богатства в правящих слоях, пессимизм мыслителей – таковы современные настроения. Общество должно быть очень твердым, чтобы противостоять таким причинам разложения. Сомнительно, чтобы оно могло им долго сопротивляться.

Некоторые философы находят утешение в этом состоянии общего недовольства, утверждая, что оно есть залог прогресса и что народы, слишком довольные своей судьбой, например, восточные, более не прогрессируют. «Неравенство богатств, — говорит Уэллс, — кажется величайшим злом в обществе, но как бы ни было велико это зло, уравнивание богатств привело бы еще к худшему. Если каждый будет доволен своим положением и не будет видеть возможности улучшить его, то человечество впадет в состояние оцепенения, а в силу своей природы оно не может оставаться неподвижным. Недовольство каждого своим личным положением есть могущественный двигатель всего прогресса человечества».

Как ни судить об этих чаяниях и обвинениях, которые легко возводить против существующего порядка вещей, надо признать, что все социальные несправедливости неизбежны уже потому, что в разной степени они существовали всегда. Они — роковое следствие самой природы человека, и никакой опыт не дает повода заключить, что изменением учреждений и заменой одного класса другим можно было бы уничтожить или даже смягчить несправедливости, на которые мы так сетуем. В армии добродетельных людей насчитывалось всегда очень мало рядовых, еще гораздо меньше офицеров, и не найдено еще средства увеличить это число. Следовательно, нужно примириться с необходимостью общественных несправедливостей, столь же естественных, как и несправедливости в природе, каковы угнетающие нас

старость и смерть, на которые бесполезно сетовать. В общем, если мы сильнее, чем прежде, чувствуем выпадающие на нашу долю бедствия, то кажется, однако, вполне верным, что в действительности они никогда не были менее тягостными. Не говоря уже о первобытных временах, когда человек, скрываясь в пещерах, с трудом оспаривал у зверей свою скудную пищу и очень часто сам служил им добычей, вспомним, что наши отцы переживали рабство, нашествия, голод, войны всякого рода, смертоносные эпидемии, инквизицию, террор и много еще других бедствий. Не забудем, что благодаря прогрессу науки и техники, увеличению платы за труд и дешевизне предметов роскоши, самый скромный человек живет в настоящее время с большими удобствами, чем в старину феодальные владельцы в своих замках, находившиеся всегда под угрозой ограбления и смерти от своих соседей. Благодаря пару, электричеству и всем новейшим открытиям, последний крестьянин пользуется теперь множеством удобств, каких не знал при всей пышности своего двора Людовик XIV.

§ 3. ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЦЕНТНЫХ СООТНОШЕНИЙ ПРИ ОЦЕНКЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЯВЛЕНИЙ.

Для правильного суждения о данной общественной среде недостаточно принимать во внимание только дурные условия, которые нам неприятны, или несправедливости, которые нас смущают. Каждое общество имеет в некотором со-

отношении между собой хорошее и дурное, некоторое число людей добродетельных и негодяев, людей гениальных и людей посредственного ума и глупцов. Чтобы сравнивать общества между собой в данное время или в течение многих веков, следует рассматривать составляющие их элементы не в отдельности, а численное соотношение между ними. Нужно оставлять без внимания бросающиеся в глаза отдельные частные случаи, крайне обманчивые, а также статистические средние выводы, которые еще более вводят в заблуждение. *Общественные явления управляются процентными соотношениями, а не частными случаями и средними выводами.*

Большинство ошибочных суждений и происходящих от них торопливых обобщений есть результат недостаточно-го знания процентных соотношений между наблюдаемыми данными. Обычная характерная склонность малоразвитых умов – обобщать частные случаи, не обращая внимания, в какой пропорции они имеют место. Например, путешественник, подвергшийся нападению грабителей в лесу, будет утверждать, что этот лес всегда наполнен грабителями, не осведомляясь о том, сколько вообще путешественников в течение скольких лет подвергалось там нападению до него.

Строгое применение приема процентных соотношений учит не доверять таким поверхностным обобщениям. Суждения о каком-либо народе или обществе имеют цену лишь тогда, когда они относятся к достаточно большому числу людей, позволяющему выводить процентные отношения между

замеченными достоинствами или недостатками. Только при таких данных и возможны обобщения. Если мы утверждаем, что данный народ отличается энергией и инициативой, то это не значит, что среди него нет людей, совершенно лишенных этих качеств, но это значит только, что процент людей, обладающих этими качествами, значителен. Если бы явилась возможность понятное, но несколько неопределенное выражение «значителен» заменить цифровыми данными, то точность суждения много выиграла бы, но при оценках такого рода, благодаря отсутствию достаточно чувствительных реактивов, приходится довольствоваться лишь приближениями. Эти реактивы хотя и имеются, но требуют в высшей мере осторожного с ними обращения.

Определение процентных соотношений имеет первостепенное значение. Приложив его к антропологическим исследованиям, мне удалось показать глубокие различия в строении мозга у разных рас, которые не могли быть открыты при сравнении средних данных.¹² До этого, сравнивая средние объемы черепов разных рас, обнаруживали разности весьма незначительные, и на основании этого большинство анатомов предполагало, что объем мозга у разных рас почти один и тот же. Посредством особых кривых, выражающих вполне точно в процентах разные объемы черепов, я мог, из-

¹² Gustave Le Bon. Recherches anatomiques et mathematiques sur les lois des variations du volume du crane (Г. Лебон. Анатомические и математические исследования законов изменения объема черепа). Эта работа Лебона на русском языке не издавалась.

мерив значительное число черепов, доказать неопровержимо, что, наоборот, эти объемы для разных рас различаются в огромной степени, и что высшие расы ясно отличаются от низших тем, что первые имеют некоторое число крупных объемов мозга, которых нет у вторых. Благодаря небольшому безусловному числу крупных объемов, они не оказывают влияния на величину среднего объема мозга данной расы. Это анатомическое исследование подтвердило, впрочем, тот психологический факт, что умственный уровень какого-либо народа характеризуется большим или меньшим числом принадлежащих ему выдающихся умов.

При изучении общественных явлений приемы исследования еще слишком несовершенны, чтобы можно было прилагать методы точной оценки, позволяющие выразить эти явления геометрически, в виде кривых. Не имея возможности охватить все стороны вопроса, мы должны, однако, всегда помнить, что эти стороны многообразны, и многих из них мы даже не подозреваем или не понимаем, а между тем эти-то наименее заметные элементы часто являются самыми важными данными в вопросе. Чтобы при исследовании сложных явлений, какими всегда бывают явления социальные, получить менее ошибочные выводы, необходимо непрерывно рядом проверок и последовательных приближений делать поправки, стараясь совершенно отрешиться от наших личных интересов и симпатий. Надо долго устанавливать факты, прежде чем заключать, и очень часто только и удовлетво-

ваться этим установлением. Не таких принципов до настоящего времени придерживались специалисты по социальным вопросам, и несомненно поэтому труды их имели столь же слабое, сколь и мимолетное влияние.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

§ 1. *Основные принципы социалистических теорий.* Социальные теории общественного строя приводятся к коллективизму и индивидуализму. Эти взаимно противоположные принципы всегда были в борьбе между собой.

§ 2. *Индивидуализм.* Его роль в развитии цивилизаций. Его развитие возможно только среди народов, одаренных известными качествами. Индивидуализм и французская революция.

§ 3. *Коллективизм.* Все современные формы социализма требуют вмешательства государства в условия жизни граждан. Роль, предоставляемая коллективизмом государству. Неограниченная диктатура государства или общины при коллективизме. Антипатия социалистов к свободе. Каким образом коллективисты надеются уничтожить неравенство. Общая черта программ разных социалистических толков (sectes). Анархизм и его доктрина. Программы современных социалистов очень стары.

§ 4. *Социалистические идеи, как и разные учреждения у народов, суть последствия свойств их расы.* Важность идеи о расе. Различие в понятиях политических и социальных, скрывающихся под одинаковыми словами. Народы не в силах менять по своему желанию свои учреждения и могут

только изменять их названия. Различие социалистических воззрений у писателей, принадлежащих к разным расам.

§ 1. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ.

Не было бы никакого интереса излагать политические и социальные идеи теоретиков социалистов, если бы эти идеи не отвечали иногда стремлениям и настроениям данной эпохи и тем не производили известного впечатления на умы. Если, как мы не раз настаивали и как постараемся показать далее, учреждения у данного народа суть плоды унаследованного им склада ума, а не продукт философских теорий, созданных во всей их целостности, то становится понятным ничтожество социалистических утопий и отвлеченно придуманных государственных учреждений. Но политики и ораторы в своих мечтаниях весьма часто лишь облачают в доступную для умов форму неясно сознаваемые стремления своей эпохи и своей расы. Редкие писатели, которым удавалось своими трудами оказать некоторое влияние на человечество, например, Адам Смит в Англии и Руссо во Франции, ничего другого не сделали, как в сжатой, но понятной форме выразили идеи, которые уже распространились повсюду. То, что эти писатели выразили, не ими создано. Только отдаленность во времени может вызвать заблуждение в этом отношении.

Если ограничить различные социалистические теории

указанием только основных принципов, на которые они опираются, то наше изложение будет очень кратко.

Современные теории общественного строя при очевидном их различии могут быть приведены к двум взаимно противоположным основным принципам: индивидуализму и коллективизму. При индивидуализме каждый человек предоставлен самому себе, его личная деятельность достигает максимума, деятельность же государства в отношении каждого человека минимальна. При коллективизме, наоборот, самыми мелкими действиями человека распоряжается государство, т. е. общественная организация; отдельный человек не имеет никакой инициативы, все его действия в жизни предугазаны. Эти два принципа всегда вели более или менее напряженную борьбу, и развитие современной цивилизации сделало эту борьбу более ожесточенной, чем когда-либо. Сами по себе эти принципы не имеют никакой абсолютной цены и должны быть оцениваемы лишь в зависимости от времени и в особенности от характера рас, у которых они проявляются. В этом мы убедимся далее.

§ 2. ИНДИВИДУАЛИЗМ.

Все, что создало величие цивилизаций: наука, искусство, философские системы, религии, военное могущество и т. д. — было созданием отдельных личностей, а не общественных организаций. Важнейшие открытия и культурные успехи, которыми пользуется все человечество, были осуществ-

лены отборными людьми, редкими и высшими продуктами некоторых наиболее даровитых рас. Народы, у которых индивидуализм наиболее развит, только благодаря этому и стоят во главе цивилизаций и господствуют ныне в мире.

В течение веков, т. е. в течение многих лет, предшествовавших нашему веку, общественная организация, по крайней мере у латинских народов, была всемогуща. Отдельная личность вне ее была ничто. Революция, венец всех доктрин писателей XVIII века, представляет, быть может, первую серьезную попытку реакции индивидуализма; но, освободив, по крайней мере в теории, отдельную личность, она ее изолировала от ее касты, от семьи, от социальных или религиозных групп, к которым она принадлежала, предоставив ее только самой себе и заменив, таким образом, общество разрозненными людьми, не имеющими взаимной связи.

Такая организация не могла долго удержаться у народов, мало приспособленных по своим наследственным свойствам, по своим учреждениям и своему воспитанию к тому, чтобы рассчитывать только на свои силы и управляться без руководителей. Такие народы жадно добиваются равенства, но мало интересуются свободой. Свобода – это состязание, непрестанная борьба, мать всякого прогресса; в ней могут торжествовать только самые способные, сильные люди; слабые же, как вообще в природе, осуждены на гибель. Только сильные могут переносить одиночество и рассчитывать лишь на самих себя. Слабые к этому не способны. Они ско-

рее предпочтут самое тяжелое рабство, чем одиночество и отсутствие поддержки. Разрушенные революцией корпорации и касты служили человеку основной поддержкой в жизни, и очевидно, что они соответствовали психологической необходимости, ибо в настоящее время они всюду возрождаются под новыми именами, особенно под именем синдикатов. Эти синдикаты позволяют отдельным своим членам сводить свою работу к минимуму, тогда как индивидуализм требует от человека обратного. Предоставленный себе пролетарий – ничто и ничего не может сделать; в союзе с равными себе он становится грозной силой. Если синдикат и не может дать ему способностей и ума, то, по меньшей мере, придает ему силу, отнимая лишь свободу, которой он не сумел бы и воспользоваться.

Упрекали революцию в том, что она чрезмерно развила индивидуализм, но упрек этот не вполне справедлив. Форма индивидуализма, какой добилась революция, далека от той, которая развита у некоторых народов, например, англосаксов. Идеалом революции было разбить корпорации, подвести всех под общий тип и поглотить всех разъединенных таким образом граждан опекой сильной государственной централизации. Нет ничего противоположнее этого идеала англосаксонскому индивидуализму, который благоприятствует соединению отдельных личностей в группы и, посредством их, добивается всего, ограничивая деятельность государства тесными рамками. Создание революции было гораздо ме-

нее революционно, чем думают вообще. Преувеличив значение централизации и государственной опеки над гражданами, французская революция не более как продолжала традицию латинских народов, укоренявшуюся в течение веков монархического режима и воспринятую равным образом всеми правительствами. Разрушив корпорации политические, рабочие, религиозные и др., она сделала эту централизацию и поглощение государством еще более полными, подчинившись, впрочем, таким образом внушениям всех философов своей эпохи.

Развитие индивидуализма неизбежно приводит к тому, что отдельная личность оказывается одинокой среди яростной борьбы appetitов. Расы молодые, сильные, среди которых нет большого различия в умственном развитии отдельных людей, каковы, например, англосаксы, легко мирятся с таким порядком. Посредством ассоциаций, английские и американские рабочие отлично умеют бороться против требований капитала и не поддаются его тирании. Всякий интерес сумел, таким образом, отвоевать себе место. Но в расах старых, у которых в течение веков и благодаря системе воспитания инициатива ослабела, последствия развития индивидуализма были очень тяжелы. Философы минувшего века и революция, разрушая окончательно все религиозные и социальные связи: церковь, семью, касты, корпорации, поддерживавшие существование человека и служившие ему надежной опорой, рассчитывали, конечно, создать нечто крайне

демократическое. В действительности же это разрушение совершенно непредвиденно породило финансовую аристократию, с подавляющим могуществом царствующую над массой незащищенных разъединенных людей. Феодальный владелец не обращался так сурово со своими наемниками, как обращается иногда промышленный современный туз, король фабрик и заводов, со своими рабочими. Эти последние в теории пользуются всеми свободами и равноправны со своим хозяином, а на деле они чувствуют тяготеющие над собою, по крайней мере в виде угроз, тяжелые цепи зависимости и страх нищеты.

Стремление исправить такие непредвиденные последствия революции неминуемо должно было возникнуть, и у противников индивидуализма не было недостатка в основательных причинах для борьбы против него; им было нетрудно утверждать, что общественный организм важнее индивидуального, что интересы второго должны уступить интересам первого, что малоспособные и слабые люди имеют право на поддержку и что необходимо, чтобы общество само посредством нового распределения богатств уничтожило неравенство, созданное природой. Таким образом, возник современный социализм, сын древнего социализма, стремящийся, подобно последнему, изменить распределение богатства, разоряя богатых в пользу неимущих.

Средство для уничтожения неравенства в теории очень просто. Стоит только государству самому взять в руки рас-

пределение имуществ и непрестанно восстанавливать нарушающееся в пользу богатых равновесие. Из этой далеко не новой и столь соблазнительной с виду идеи возникли положения социалистов, которыми мы теперь и займемся.

§ 3. КОЛЛЕКТИВИЗМ.

Как я показал в предисловии к 3-му изданию, и странах с научными стремлениями, таких как Англия и Германия, сами социалисты начинают смотреть на коллективизм, как на неосуществимую утопию. В странах латинских, поддающихся сентиментальным идеям, коллективизм, наоборот, сохранился во всей силе. Социализм в безусловной форме значительно менее опасен в действительности, чем когда он проявляется и виде разных проектов, направленных к улучшению и регламентации условий труда. При безусловной форме социализма, грозящей разными разрушениями, опасность его видна, и с нею можно бороться. Под формой же любви к ближнему опасность эта не заметна, и социализм тогда легче принимается. Он проникает тогда во все элементы общественной организации и медленно разлагает их. Французская революция также началась проектами человеколюбивых реформ, очень невинного свойства, которые были приняты всеми партиями, даже теми, что должны были оказаться их жертвами. Она кончила кровавой резней и диктатурой.

Социалистические доктрины в своих подробностях очень разнятся между собой, но в основных своих принципах они

весьма схожи. Общие стороны их заключает в себе коллективизм. Мы скажем несколько слов о его происхождении при изучении социализма в Германии. В настоящее время социализм подразделился на множество толков, но все они носят общий характер в стремлении прибегать к опеке государства, чтобы оно распределяло богатства и сглаживало несправедливости судьбы.

Основные предложения социалистов отличаются, по крайней мере, чрезвычайной простотой: государство конфискует капиталы, рудники и имущества, распоряжается этими государственными богатствами и распределяет их между гражданами посредством огромной армии чиновников. Государство или, если угодно, община (коллективисты теперь не употребляют слова «государство») стала бы регламентировать все, не допускалась бы конкуренция. Самые слабые попытки инициативы, индивидуальной свободы и конкуренции были бы пресечены. Страна обратилась бы в громадный монастырь, подчиняющийся суровой дисциплине, которая поддерживалась бы армией чиновников. Так как наследственность имущества уничтожена, то накопление богатств в одних руках не могло бы иметь места.

Относительно же потребностей отдельных личностей коллективизм принимает во внимание почти только необходимость продовольствия и заботится только о нем.

Очевидно, что такой режим относительно регламентации распределения богатств представляет собой как безуслов-

ную диктатуру государства или, что совершенно то же, общины, так и не менее безусловное рабство рабочих. Но этот довод не мог бы тронуть последних. Они очень мало интересуются свободой, чему служит доказательством тот энтузиазм, с каким они приветствовали появление Цезарей. Они также очень мало озабочены всем, что составляет величие цивилизации: искусством, наукой, литературой и прочим; все это быстро исчезло бы в подобном обществе. Программа коллективизма, следовательно, не содержит в себе ничего, что могло бы казаться им антипатичным. За пропитание, обещаемое теоретиками социализма рабочим, «они будут выполнять свою работу под надзором государственных чиновников, как, бывало, ссыльные в каторге под зорким глазом и угрозой надсмотрщика. Всякая личная инициатива будет задушена и каждый работник будет отдыхать, спать, есть по команде начальников, приставленных к охране, пище, работе, отдыху и совершенному равенству между всеми». Не будет при этом поводов к стремлению улучшить свое положение или выйти из него. Это было бы самое мрачное рабство без всякой надежды на освобождение. Под властью капиталиста рабочий может, по крайней мере, мечтать сам сделаться капиталистом, что и бывает. О чем же он будет мечтать под игом безымянной и неизбежной деспотической тираний государства-уравнителя, предвидящего все нужды граждан и управляющего всеми их вожделениями? Бурдо¹³

¹³ Жан Бурдо – Корреспондент Французской Академии моральных и полити-

находит, что такая организация была бы очень похожа на организацию иезуитов Парагвая. Не будет ли она еще более похожа на организацию негров на плантациях в эпоху рабства?

Как ни ослеплены социалисты своими химерами и как ни убеждены они в могучей силе разных учреждений против экономических законов, наиболее смысленные из них не могли не признать, что огромным препятствием к осуществлению их системы служат те страшные природные неравенства, против которых всякие сетования всегда оказывались бесполезными. Если только не истреблять систематически в каждом поколении всех сколько-нибудь возвышающихся над уровнем самой скромной посредственности, то социальные неравенства, порождаемые неравенством умственным, скоро бы восстановились. Теоретики оспаривают серьезность этого препятствия, уверяя, что, благодаря новой искусственно созданной социальной среде, способности людей очень скоро сравнялись бы, и что личный интерес – этот двигатель человека и источник всякого прогресса до настоящего времени – сделался бы излишним и быстро сменился бы инстинктом любви к ближнему, которая сделала бы человека преданным общим интересам. Нельзя отрицать, что религии, по крайней мере в течение коротких периодов горячей веры вслед за их появлением, достигали некоторых подобных результатов; но они могли обещать своим верующим

ческих наук. Основные труды: «Германский социализм и русский нигилизм», «Эволюция социализма», «Социалисты и социологи» и другие.

в награду селения праведных и вечную жизнь, тогда как социалисты не предлагают своим последователям взамен личной свободы ничего, кроме ада рабства и безнадёжного унижения.

Уничтожить последствия естественных неравенств в теории очень легко, но никогда не удастся уничтожить сами эти неравенства. Они как старость и смерть – роковая участь человека.

Но когда не выходят из области мечтаний, легко обещать все и, как Прометей Эсхила, «вселять в души смертных слепые надежды». Итак, человек изменится, чтобы приспособиться к новому созданному социалистами обществу. Разъединяющее людей различие между ними исчезнет, и останется только тип среднего человека, так метко определяемый математиком Бертраном: «без страстей и пороков, ни глуп, ни умен, средних мнений, средних воззрений, умирает в среднем возрасте от некоторой средней болезни, которую изобретает статистика».

Предлагаемые социалистами разных толков приемы осуществления их положений, различаясь по форме, преследуют одну и ту же цель. В конце концов они сводятся к возможно быстрому сосредоточению земель и богатств в руках государства, будет ли то достигнуто путем простого указа или огромным повышением пошлин на наследство, при котором фамильные состояния уничтожились бы через небольшое число поколений.

Перечень программ и теорий разных толков социализма не представляет интереса, так как в настоящее время между всеми ими господствует коллективизм, и он один пользуется влиянием, по крайней мере в латинских странах. К тому же большая часть этих толков уже забыта. Так, например, по справедливому замечанию Леона Сэ, «христианский социализм, стоявший во главе движения 1848 года, в настоящее время отходит в последние ряды». Что касается государственного социализма, то только название его изменилось, в сущности же он не что иное, как современный коллективизм.

Относительно христианского социализма справедливо замечают, что во многом он сходится с современными доктринами. Бурдо говорит: «церковь, подобно социализму, не придает никакого значения уму, таланту, изяществу, самобытности, личным дарованиям. *Индивидуализм* церковь принимает за синоним *эгоизма*; и то, что она всегда старалась вселить в людях, имел целью и социализм: *братство под опекой власти*. Та же международная организация, то же отрицание войны, то же понимание страданий и нужд общественных. По мнению Бебеля, папа с высоты Ватикана лучше всего может видеть, как на горизонте собираются грозовые тучи. Папство было бы даже способно сделаться опасным конкурентом для революционного социализма, если бы оно решительно стало во главе мировой демократии».

Программа христианских социалистов весьма мало отли-

чается в настоящее время от программы коллективистов. Но другие социалисты в своей ненависти ко всякой религиозной идее отстраняют христианских социалистов, и если бы когда-либо революционный социализм восторжествовал, то, конечно, эти социалисты оказались бы первыми его жертвами, и никто бы не пожалел об их участи.

Из разных толков социализма, появляющихся и исчезающих чуть не ежедневно, анархизм заслуживает особого упоминания. Социалисты-анархисты в теории как будто прижимают к индивидуализму, так как стремятся предоставить каждому человеку неограниченную свободу, но в действительности их следует рассматривать лишь как нечто вроде крайней левой фракции социализма, так как они также добиваются разрушения современного общественного строя. Их теория характеризуется той прямолинейной простотой, которая составляет основную черту всех социалистических утопий: общество не стоит ничего, разрушим его огнем и мечом. Естественным путем образуется новое, очевидно совершенное, общество. Вследствие каких чудес новое общество могло бы отличаться от предшествующего? Вот чего ни один анархист никогда не сказал. Напротив, вполне очевидно, что если современные цивилизации были бы совершенно уничтожены, то человечество прошло бы вновь все последовательные формы быта: дикость, рабство, варварство и т. д. Непонятно, что выиграли бы при этом анархисты. Допустим немедленное осуществление анархических мечтаний,

т. е. расстрел всех буржуа, соединение в одну громадную массу всех капиталов, которыми стал бы пользоваться всякий участник по своему желанию. Каким образом этот капитал стал бы восполняться, когда израсходуется и когда все анархисты временно обратились бы сами в капиталистов?

Как бы то ни было, анархисты и коллективисты представляют единственные толки, пользующиеся теперь влиянием у латинских народов.

Коллективисты считают творцом своих теорий немца Маркса, между тем, они значительно старше. Их находят у древних писателей до мелких подробностей. Не восходя столь далеко, можно заметить вместе с Токвилем, писавшим в середине XIX века, что все социалистические теории пространно изложены в «Code de la Nature»¹⁴, изданном Морелли в 1755 г.

Там вы найдете, вместе со всеми учениями о всемогуществе государства и неограниченности его прав, многие политические теории, которые наиболее пугали Францию в последнее время и которые мы считали зарождающимися как будто бы при нас: общность имуществ, право на труд, безусловное равенство, однообразие во всем, механическая правильность во всех действиях отдельных лиц, тирания регламентаций, полное поглощение личности граждан в социальном строе.

¹⁴ «Кодекс природы, или истинный дух ее законов». В 1755 г. книга вышла анонимно.

«Ничто в обществе не будет собственностью кого бы то ни было, – гласит первый параграф. – Каждый гражданин будет кормиться, содержаться и получать работу от общества, – говорит второй параграф. – Все продукты будут собираться в общественные магазины и оттуда распределяться между гражданами для удовлетворения их жизненных потребностей. Все дети в возрасте 5 лет будут отниматься от семьи и воспитываться вместе за счет государства вполне однообразно и т. д.»

§ 4. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ, КАК И РАЗНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ У НАРОДОВ, СУТЬ ПОСЛЕДСТВИЯ СВОЙСТВ ИХ РАСЫ.

Идею о расе еще так недавно очень мало понимали; теперь же она все более и более распространяется и принимает господствующее значение во всех наших представлениях – исторических, политических и общественных.

Значение расы, которое можно было бы считать элементарным данным, в настоящее время для многих, однако, остается еще совершенно непонятным. Это мы видим, например, в одной из последних книг Новикова,¹⁵ где он придает расе «малое значение в делах человеческих». Он полагает, что негр легко может сравняться с белым и т. д.

¹⁵ Яков Александрович Новиков (1850–1912) – русский писатель-социолог, психолог. Писал и основном по-французски, его работы на русский язык не переводились.

Такие утверждения показывают только, насколько, как выражается сам автор, «в области социологии довольствуются еще звонкими фразами вместо внимательного изучения явлений». Все, что Новикову не понятно, он называет противоречием, и авторы иного мнения причисляются к пессимистам. Такая психология, конечно, столь же легка, сколь и элементарна. Чтобы допустить «малое значение расы в делах человечества», надо совершенно не знать истории Сан-Доминго, Гаити, истории 22 испано-американских республик и истории Северо-Американских Штатов. Не признавать значения расы – значит лишить себя навсегда способности понимать историю.

В одном из наших трудов¹⁶ мы показали, каким образом народы, соединяясь и смешиваясь случайно при эмиграциях и завоеваниях, образовали мало-помалу исторические расы, единственно существующие в настоящее время, так как расы чистые в антропологическом отношении можно встретить только у дикарей. Установив твердо это понятие, мы указали границы изменений признаков этих рас, т. е. каким образом на данной постоянной основе наслаиваются неустойчивые и изменчивые особенности характеров. Мы показали затем, что все элементы цивилизации: язык, искусство, обычаи, учреждения, верования, будучи следствием известного умственного склада, при переходе от одного народа к другому не могут не подвергаться глубоким изме-

¹⁶ «Психология народов и масс».

нениям. То же относится и к социализму. Он должен подчиниться этому общему закону изменений. Вопреки обманчивым названиям, которые в политике, как в религии и в морали, прикрывают собой совершенно разнородные вещи, одинаковые в этих названиях слова выражают разные политические и социальные понятия, а также и разные слова выражают иногда одни и те же понятия. Некоторые латинские народы живут под монархическим режимом, другие — под республиканским, но при этих политических формах, по названию столь противоположных, политическая роль государства и каждого отдельного человека остается у них одна и та же и представляет собой неизменный идеал расы. Под каким бы именем ни существовало у латинских народов правление, инициатива государства всегда будет преобладающей, а инициатива частных лиц очень слабой. Англосаксы при монархическом или республиканском режиме руководствуются идеалом, совершенно противоположным латинскому. У них роль государства доведена до минимума, тогда как политическая или социальная роль предоставляется, напротив, частной инициативе и доведена до своего максимума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.